

ПАРТИЙНАЯ РЕФОРМА И ДИНАМИКА МЕЖПАРТИЙНОЙ КОНКУРЕНЦИИ НА РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЫБОРАХ 2012–2018 гг.

А.Е. Любарев

*Движение в защиту прав избирателей «Голос»,
Комитета гражданских инициатив,*

С.А. Шпагин

Томский государственный университет

Аннотация: *Анализируется, как партийная реформа 2012 г., увеличившая на порядок число политических партий в стране, повлияла на результаты выборов и составы региональных парламентов 2012–2018 гг. Показано, что в 2012–2013 гг., когда партии свободно допускались на выборы, выросла межпартийная конкуренция, но это мало повлияло на партийное представительство в законодательных органах регионов. После того как в 2014 г. от большинства партий для допуска на выборы вновь стали требовать сбор подписей избирателей, межпартийная конкуренция стала снижаться, а доминирование «Единой России» усилилось. Эта тенденция изменилась лишь в 2018 г. вследствие изменения политической обстановки в стране.*

Ключевые слова: *региональные выборы, политические партии, эффективное число партий.*

К началу 2012 г. партийный состав законодательных собраний большинства регионов страны представлял собой почти полный аналог общероссийской модели. В региональных парламентах, как правило, присутствовали все федеральные парламентские партии, изредка разбавленные представителями Аграрной партии России, «Патриотов России», «Яблока» и «Правого дела». Из 27 региональных собраний, избранных в декабре 2011 г., лишь в пяти фракционный состав отличался от федерального: в Карелии, Псковской области и Санкт-Петербурге к общероссийским парламентским партиям добавилось «Яблоко», в Ингушетии место ЛДПР заняло «Правое дело», а в Государственном собрании Мордовии и вовсе были представлены только «Единая Россия» и КПРФ. При этом в большинстве регионов выборы генерировали «традиционную» конфигурацию: на первом месте — «Единая Россия», на втором — КПРФ, на третьем и четвертом — ЛДПР и «Справедливая Россия», далее — прочие партии (в случае их участия в выборах).

Крупнейшие фракции во всех региональных собраниях, как нетрудно догадаться, были у «Единой России». Везде, кроме Санкт-Петербурга, Карелии, Амурской и Кировской обла-

стей она имела абсолютное большинство мандатов (в Кировской области — половина), хотя в ряде регионов «Единая Россия» получала менее 50 % голосов [Наиболее подробное изложение результатов региональных выборов 2003–2009 гг. см.: Кынев 2009, а выборов 2009–2013 гг.: Кынев 2014].

В течение 2012–2018 гг. выборы в региональные legislatures проводились раз в год: в 2012 г. в октябре, в последующие годы в сентябре. Всего прошло 108 кампаний, из которых только в одной (выборы Московской городской думы в 2014 г.) использовалась полностью мажоритарная система, в остальных — смешанная или пропорциональная. Данные для анализа результатов этих выборов взяты прежде всего с сайтов ЦИК РФ¹ и региональных парламентов.

Существенное изменение правил участия партий в выборах за этот период произошло лишь однажды. В 2012–2013 гг. у всех партий был свободный доступ на выборы, но с 2014 г. для допуска большинства партий на выборы вновь стал требоваться сбор подписей избирателей. Это заметно отразилось на участии в выборах непарламентских партий. В связи с этим мы отдельно рассмотрим два временных отрезка — 2012–2013 и 2014–2018 гг.

Методика исследования

В данном исследовании использованы количественные методы, позволяющие более эффективно выявить тенденции структурирования и динамики партийно-политического пространства (в современных исследованиях межпартийной конкуренции на выборах всех уровней до сих пор преобладают качественные методы [Вишневецкий 2007, Гончаров 2008, Васильева 2012, Жедь 2013]).

Измерение уровня межпартийной конкуренции на выборах в региональные собрания производилось при помощи следующих показателей.

1. В электоральной плоскости:

- количество партийных списков в каждом регионе;
- доля голосов избирателей, полученных крупнейшей партией;
- сумма голосов, отданных за парламентскую оппозицию²;
- эффективное число электоральных партий (ЭЧП_э)³ для каждого региона, по всей группе регионов — диапазон и среднее значение.

2. В парламентской плоскости:

- количество партий, представленных в региональных законодательных собраниях (общее и по регионам);
- доля мест в законодательном органе, полученных крупнейшей партией;
- доля мест парламентской оппозиции в законодательном органе;
- эффективное число парламентских партий (ЭЧП_п) для каждого региона, по всей группе регионов — диапазон и среднее значение.

¹ См.: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom>.

² В данной работе под парламентской оппозицией понимаются партии, не являющиеся правящими, но представленные на период выборов в Государственной Думе (КПРФ, «Справедливая Россия», ЛДПР).

³ Рассчитано по формуле М. Лааксо и Р. Таагерперы: $N_2 = \frac{1}{\sum_{i=1}^n p_i^2} = (\sum_{i=1}^n p_i^2)^{-1}$, где p_i означает долю голосов от числа действительных голосов (ЭЧП_э) или мест в представительном органе (ЭЧП_п), полученных той или иной партией по итогам выборов. В последнем случае самовыдвиженцы были выделены в отдельную «партию» [Laakso, Taagerpera 1979].

Тенденция выборов 2012–2013 гг.

Наиболее предсказуемой тенденцией выборов 2012–2013 гг. было увеличение количества партийных игроков. В региональных выборах 2011 г. имели право участвовать только семь партий, а пользовались этим правом обычно четыре или пять. Уже в 2012 г. в каждом регионе насчитывалось от 11 до 17 зарегистрированных партийных списков (в среднем 13,2), а в 2013 г. их количество варьировалось от 8 в Хакасии до 23 в Калмыкии⁴ (в среднем 17,2). В целом по стране в основных региональных выборах по пропорциональной системе в 2013 г. участвовали 42 партии, а с учетом депутатов, баллотировавшихся по одномандатным округам, — 47 (из 54 имевших право участия в выборах).

Было естественно предположить, что значительное расширение «партийного меню» повлечет за собой обострение конкуренции. Однако ожидания оправдались лишь частично — это видно из сравнения значений ЭЧП_э на этих и предыдущих выборах (диагр. 1 и 2).

В трех регионах (Пензенская, Саратовская и Кемеровская области) реальная конкуренция (индицируемая ЭЧП_э) по сравнению с выборами 2007–2009 гг. даже снизилась [значения эффективного числа партий для выборов 2003–2009 гг. даны в публикациях: Голосов 2007, Голосов 2008, Голосов 2009, Голосов 2010]. В Краснодарском крае она осталась на прежнем, довольно низком, уровне. В пяти регионах (Удмуртия, Башкортостан, Якутия, Чечня, Ивановская область) ЭЧП_э выросло незначительно (менее чем на 0,5). И лишь в шести регионах (Бурятия, Забайкальский край, Архангельская, Владимирская, Смоленская и Ярославская области) наблюдался существенный рост конкурентности (разница в ЭЧП_э больше 1).

Впрочем, главную роль здесь сыграло не увеличение числа участвующих в выборах партий, а снижение рейтинга «Единой России». Это хорошо заметно при сравнении с выборами 2003–2005 гг., в которых участвовало от 5 до 11 партийных списков⁵. Лишь в Забайкальском крае имело место увеличение ЭЧП_э по сравнению с выборами в Читинскую облдуму 2004 г.; в остальных 10 регионах степень конкурентности не достигла уровня тех лет.

При этом в шести регионах (Краснодарский край, Пензенская и Саратовская области в 2012 г., Башкортостан, Чечня, Кемеровская область в 2013 г.) ЭЧП_э оказалось ниже 2, что является признаком явно неконкурентных выборов. Иными словами, оппозиционные партии не смогли составить конкуренцию «Единой России».

Следует отметить существенные различия между кампаниями 2012 и 2013 гг. Дело не только в том, что в 2013 г. состоялось больше региональных выборов. В 2012 г. электорально управляемыми была половина регионов (три из шести): Краснодарский край, Пензенская и Саратовская области (об этом свидетельствуют низкие значения ЭЧП_э не только этих, но и предыдущих выборов). В 2013 г. таких регионов была всего четверть — 4 из 16: Башкортостан, Чечня, Кемеровская и Ростовская области.

⁴ Еще больше списков (24) участвовало на выборах в Волгоградскую городскую Думу. Тем не менее рекорд Красноярского края 1997 г. (25 списков) перекрыт не был.

⁵ Во всех субъектах Федерации, где в 2012–2013 гг. состоялись региональные выборы, предыдущие аналогичные выборы проходили в 2007–2009 гг. В Башкирии, Бурятии, Северной Осетии, Удмуртии, Якутии, Краснодарском крае, Кемеровской, Пензенской, Ростовской, Саратовской и Смоленской областях более ранние созывы были избраны в 2002 г. или в первой половине 2003 г. по мажоритарной системе, поэтому для этих регионов дается сравнение только с выборами 2007–2009 гг.

Диаграмма 1.
Эффективное число электоральных партий на региональных выборах 2012 г.

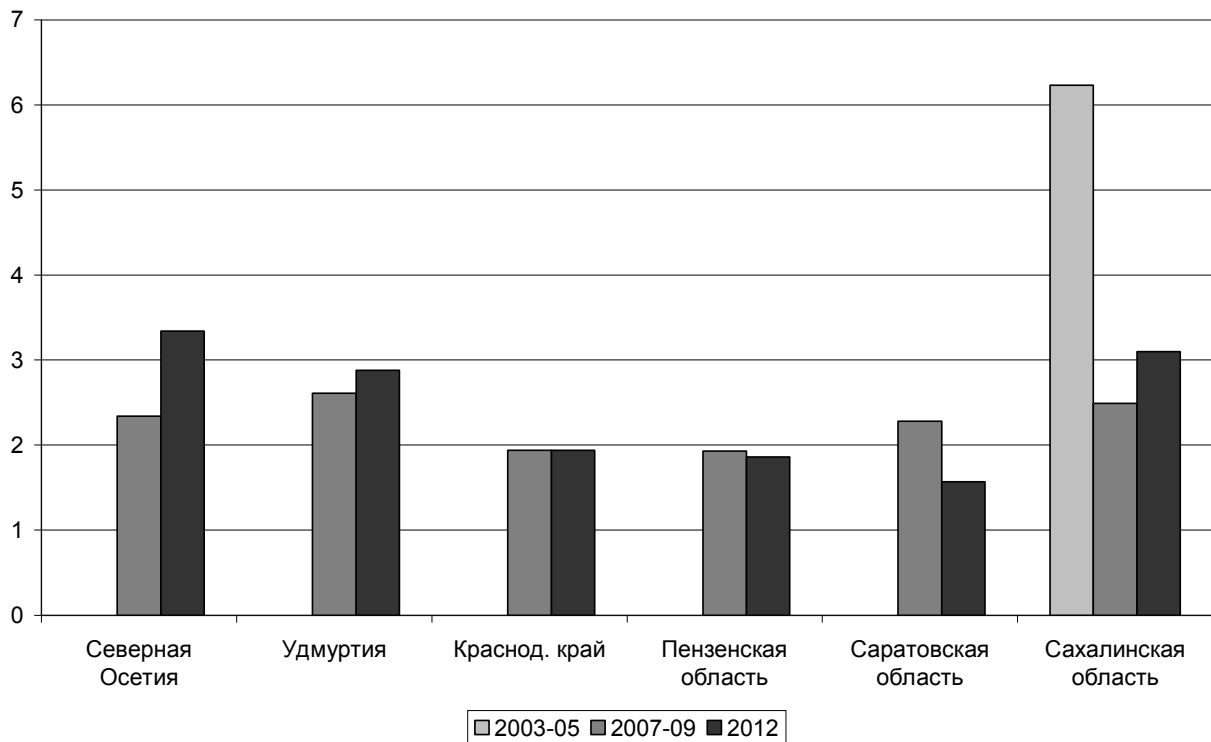
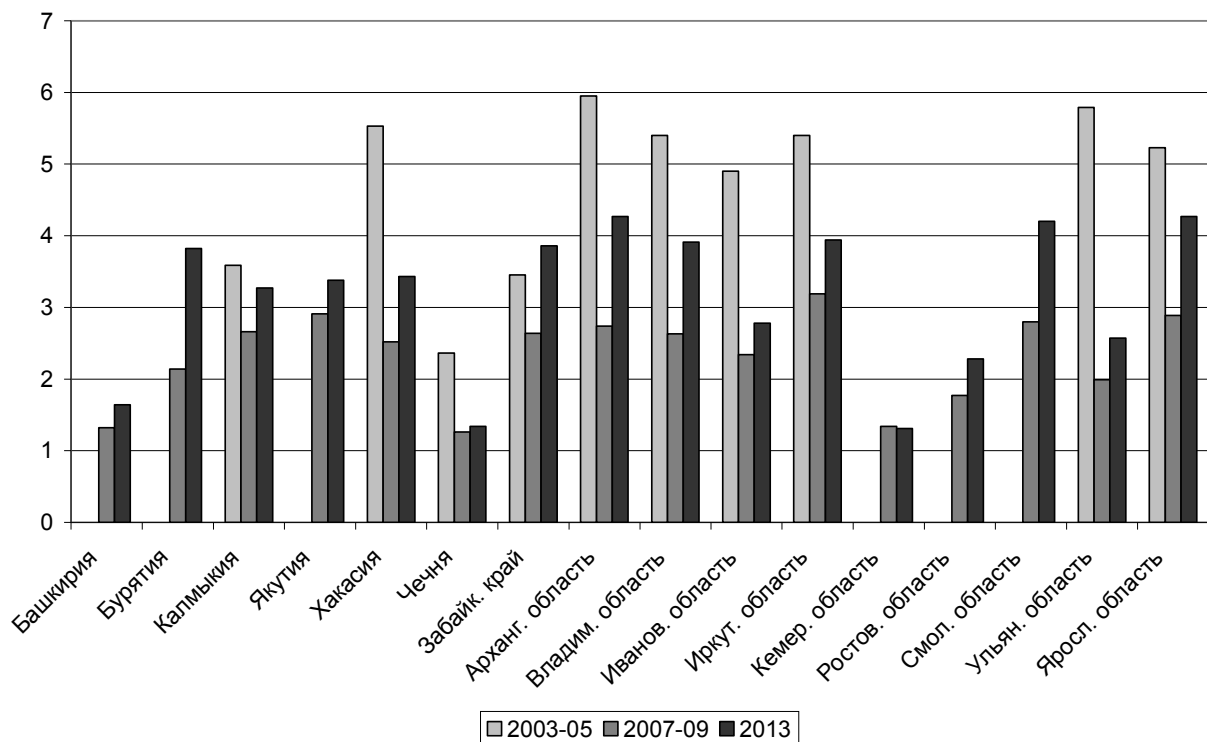

Диаграмма 2.
Эффективное число электоральных партий на региональных выборах 2013 г.

Другое отличие — в количестве и качестве участников выборов. Большинство партий, получивших право на участие в выборах 2012 г., были политтехнологическими проектами [Любарев 2018] и не могли составить реальную конкуренцию «старым» партиям. К выборам 2013 г. появилось несколько более сильных партий, в частности «Гражданская платформа», «Родина» и Российская партия пенсионеров за справедливость, что во многом и обусловило рост реальной конкуренции. Если в 2012 г. лишь в двух (из шести) регионах значение ЭЧП₃ немного превышало 3, то в 2013 г. таких регионов было 10 из 16. Более того, в семи субъектах Федерации этот показатель колебался в диапазоне от 3,8 до 4,3, что говорит об умеренной фрагментации партийной системы. Увеличился и средний уровень ЭЧП₃: если в 2012 г. он составлял только 2,45, то в 2013 г. — уже 3,14.

Что касается качества новых организаций, следует отметить, что большинство новых партий проявили очень слабую электоральную активность. И если в 2012 г. это еще можно было объяснить тем, что только что созданные партии не успели подготовиться к выборам, то в 2013 г. это скорее было свидетельством чисто формального отношения этих партий к требованию о создании необходимого числа отделений — в большинстве регионов у них просто не было ни активистов, ни ресурсов.

Только 18 из 54 новых партий выдвинули списки более чем в половине кампаний (из 28) в региональные парламенты и горсоветы административных центров субъектов РФ. При этом семь партий «богдановского пула», т. е. созданные при участии «Центра Андрея Богданова», выдвигали «пакетные» списки из одних и тех же кандидатов, в основном не имевших отношения к регионам и городам, в которых выдвигались. Эти партии также почти не выдвигали кандидатов в мажоритарных округах. Лишь 11 партий — четыре парламентские, две «старые» непарламентские («Яблоко» и «Патриоты России») и пять новых («Коммунисты России», «Гражданская платформа», «Родина», РЭП «Зеленые» и Российская партия пенсионеров за справедливость) — выдвинули более 100 кандидатов в мажоритарных округах (на 601 мандат).

Еще четыре партии (РПР-ПАРНАС, «Партия за справедливость!», Трудовая партия России и «Альянс зеленых — Народная партия») выдвинули от 8 до 12 списков и от 70 до 90 кандидатов в мажоритарных округах (включая кандидатов в мэры региональных центров и губернаторы). Двенадцать партий (в т. ч. «Правое дело») выдвинули от 2 до 11 списков и от 10 до 55 кандидатов-«мажоритарников». Остальные 20 партий выдвинули не более 6 списков и не более 14 кандидатов в мажоритарных округах.

Именно партии «богдановского пула» с их «пакетными» списками, а также применившая ту же технологию «Гражданская сила» обеспечили высокие показатели формальной конкуренции. В общей сложности на выборах в региональные собрания в 2013 г. было выдвинуто 83 «пакетных» списка (из 223), в административных центрах субъектов РФ — 60 (из 216). Не будь этого, ни в одной кампании не набралось бы больше 18 партий, а среднее число участников региональных выборов составило бы 12,4. По-видимому, в регионах не так уж много элитных групп, способных самостоятельно выйти на выборы, и это ограничивает число выдвигаемых партийных списков, несмотря на то, что формально партий зарегистрировано втрое больше [Кынев, Любарев, Максимов 2014].

Некоторые из участников выборов 2012–2013 гг. были по сути спойлерами КПРФ, «Справедливой России» и набиравшей силу «Гражданской платформы». Об этом говорит, в частности, то, что они использовали схожие названия и символику — «Коммунисты России», Коммунистическая партия социальной справедливости (КПСС), «Партия за справедливость!», «Гражданская позиция», «Гражданская сила»⁶.

⁶ Партия социальных сетей специально перед выборами 2013 г. сменила название на «Гражданскую позицию» в расчете на спойлерскую роль. «Гражданская сила» была создана раньше «Гражданской платформы», но

Средний уровень голосования за «партию власти» в 2013 г. снизился по сравнению с предыдущими выборами на 8 % – до 54,1 %. Тем не менее «Единая Россия» в основном сохранила, а в ряде регионов даже упрочила свои позиции. В 2012 г. данный показатель снизился всего на 0,1 %, причем в трех регионах из шести «Единая Россия» получила даже больше голосов, чем на предыдущих выборах. Наиболее заметные флуктуации были в Северной Осетии — на 16,5 % голосов меньше, чем 2007 г., и в Саратовской области — на 17,1 % больше (диагр. 3).

Снизилась и суммарная доля голосов, поданных за парламентскую оппозицию. Правда, если в 2012 г. принадлежащие к этой категории партии набрали в среднем на 9,55 % голосов меньше, чем на предыдущих региональных выборах, то в 2013 г. их общие потери были почти незаметны — 1,4 %. Уровень голосования за «Справедливую Россию» в среднем по стране снизился на 2,2 %, за КПРФ — на 1,6 %, за ЛДПР — только на 0,3 %.

Диаграмма 3.

Динамика голосования за «Единую Россию» и парламентскую оппозицию на выборах 2012 г. в сравнении с предыдущими

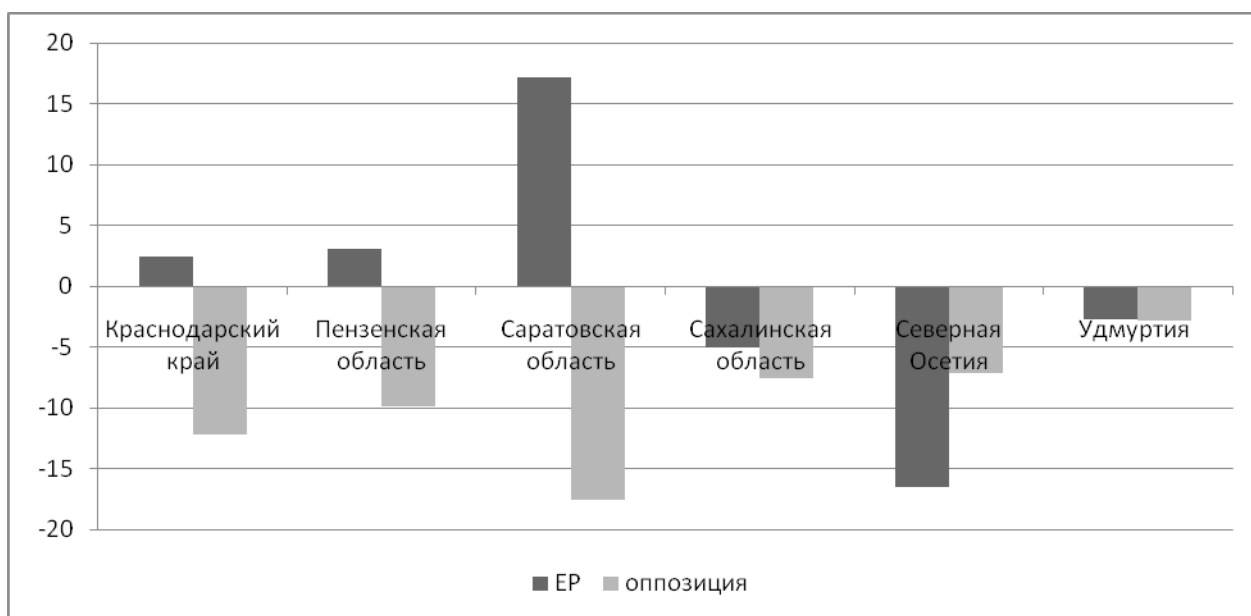
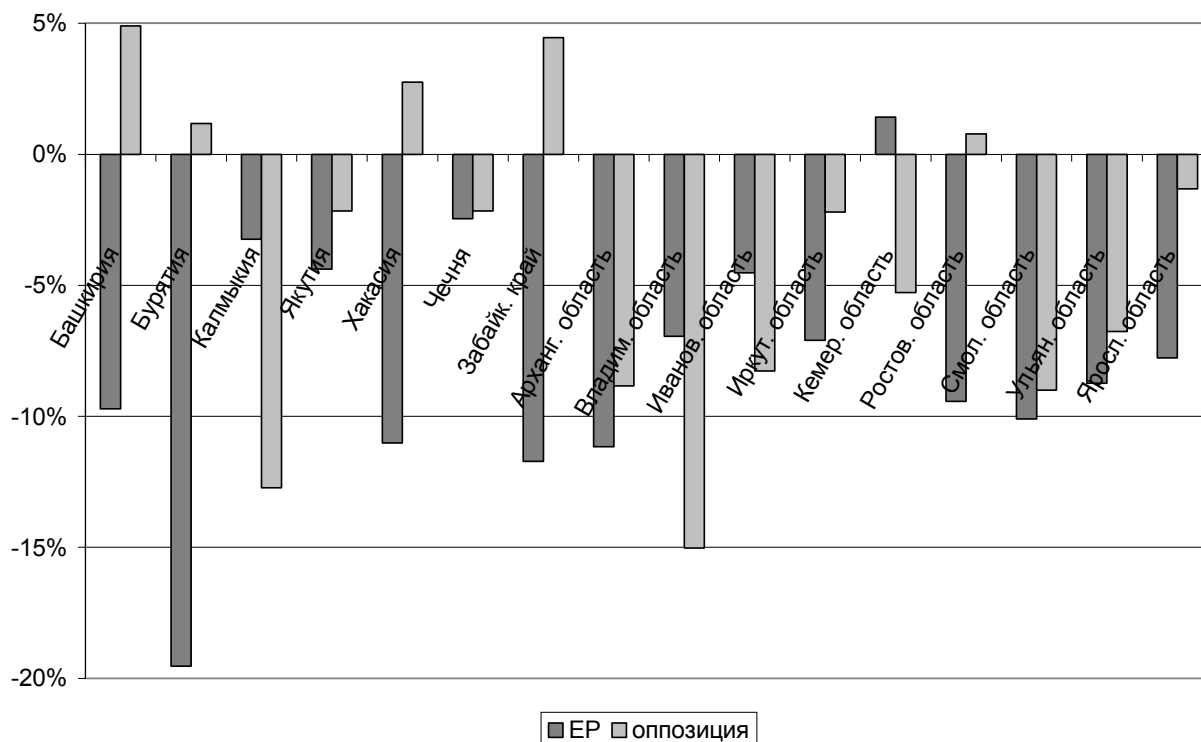

Диаграмма 4 дает наглядную картину электорального эффекта от партийной реформы. В прежних условиях повсеместное (если не считать Кемеровскую область) снижение уровня голосования за «Единую Россию» непременно привело бы к пропорциональному росту показателей парламентской оппозиции. Однако в 2013 г. потерянные «единороссами» голоса достались новым участникам выборов. В Башкортостане, Хакасии и Забайкальском крае суммарный выигрыш парламентской оппозиции оказался заметно меньше убытка «партии власти», а в Бурятии и Ростовской области — почти равным нулю. В этих регионах появление новых игроков раздробило голоса, поданные за оппозицию, и не позволило последней обернуть ситуацию к своей пользе. В остальных регионах новички отбирали голоса у всех парламентских партий.

по сути тоже оказалась ее спойлером.

Диаграмма 4.

Динамика голосования за «Единую Россию» и парламентскую оппозицию на выборах 2013 г. в сравнении с предыдущими

Особенно интересны итоги голосования в Ивановской и Иркутской областях и в Калмыкии. Здесь оппозиция потеряла существенно больше голосов, чем «Единая Россия», в результате чего «партия власти» сохранила доминирующее положение в законодательных собраниях. Усилия властей по «переформатированию» партийной системы в данных регионах оказались эффективными.

На региональных выборах 2012 г. ни одна из новых партий не имела успеха, а из старых непарламентских более-менее удачно выступили только «Патриоты России», занявшие второе место в Северной Осетии (их список возглавлял покинувший «Единую Россию» бывший депутат Государственной Думы олимпийский чемпион А.С. Фадзаев). В горсоветы региональных центров прошли также «Яблоко» (в Ярославле) и РПР-ПАРНАС (в Барнауле). На прочих муниципальных выборах небольшой успех по партийным спискам имели «Коммунисты России», Партия пенсионеров России, Народная партия «За женщин России» и РЭП «Зеленые».

По итогам выборов 2013 г. представительство в государственных и муниципальных органах получили 22 партии, в том числе 14 — в законодательных собраниях субъектов Федерации. Из них десять прошли по пропорциональной системе (четыре парламентские партии, «Патриоты России», «Коммунисты России», РПР-ПАРНАС, «Гражданская платформа», «Родина» и Российская партия пенсионеров за справедливость) и четыре — только по одномандатным округам (Народная партия «За женщин России», РЭП «Зеленые», «Альянс зеленых — Народная партия» и Партия социальной солидарности). Две партии, «Яблоко» и КПСС, добились успеха в региональных центрах. Еще шесть партий — «Правое дело», Партия пенсионеров России, Аграрная партия России, Союз труда, «Города России», Партия дела — провели кандидатов в представительные органы иных муниципальных образований.

Средние результаты партий, участвовавших в 2013 г. не менее чем в двух выборах по партийным спискам в региональные парламенты и горсоветы региональных центров, были следующими. Первые четыре места заняли парламентские партии (при этом результаты «Справедливой России» и ЛДПР оказались примерно равны — соответственно 8,0 и 7,9 %), за ними со значительным отставанием шла «Гражданская платформа» (4,5 %), за нею — Российская партия пенсионеров за справедливость (3,2 %). Еще восемь партий — «Патриоты России», Партия пенсионеров России, РПР-ПАРНАС, «Яблоко», «Родина», КПСС, Союз труда, «Коммунисты России» — получили от 2,1 до 2,7 %. Таким образом, ни одна новая партия не смогла конкурировать с парламентскими партиями, хотя ряд из них достиг уровня старых непарламентских [Кынев, Любарев, Максимов 2014].

Результаты большинства выборов имели «традиционную» конфигурацию. В 2012 г. таковая получилась в пяти регионах из шести, в 2013 г. — в 10 из 16. При этом лишь в трех субъектах РФ — Калмыкии, Хакасии и Иркутской области — «виновниками» нарушения конфигурации были новые партии — «Гражданская платформа» и «Коммунисты России».

Любопытны результаты корреляционного анализа результатов партий с похожими названиями. Оказалось, что сильная корреляция (около 0,61) связывала только «Гражданскую платформу» и «Гражданскую позицию». Вероятно, некоторая часть избирателей просто не смогла различить эти партии — сказались как новизна бренда «Гражданская платформа», так и то, что слова «платформа» и «позиция» близки по значению. Гораздо слабее корреляция между КПРФ и «Коммунистами России» (0,3), между КПРФ и КПСС (0,18). Можно предположить, что спойлерские способности КПСС и особенно «Коммунистов России» заключаются не столько в том, что их путают с КПРФ, сколько в том, что они привлекают тех избирателей, для которых важна лишь коммунистическая номинация, созвучная ностальгии по временам СССР, а также тех, кто, разочаровавшись в КПРФ, ищет «настоящих коммунистов». И совсем отсутствовала корреляция между результатами партий, использующих в названии производные от слова «справедливость». По-видимому, это понятие уже затерлось, и сегодня «Справедливая Россия» привлекает голоса отнюдь не с его помощью [Кынев, Любарев, Максимов 2014].

Что касается составов региональных парламентов, избранных в 2012–2013 гг., то здесь результаты реформы еще менее заметны. В 2012 г. в них прошли только старые партии: в каждом были представлены от двух до четырех партий. В 2013 г. — от трех до семи (с учетом одномандатников), при этом новые партии получили места в 10 из 16 парламентов. Однако на фрагментацию депутатского корпуса это повлияло скорее отрицательно. Несмотря на увеличение числа участников, степень плюрализма в органах законодательной власти даже снизилась. Это видно на диаграммах 5 и 6: по сравнению с предыдущим созывом значение ЭЧП_п заметно выросло только в двух региональных собраниях (Башкортостан и Северная Осетия) и совсем незначительно — еще в пяти (Хакасия, Чечня, Кемеровская, Ростовская и Сахалинская области). В остальных 15 регионах наблюдалось снижение. Да и в целом значение ЭЧП_п довольно низкое: лишь в пяти регионах оно немного превысило 2 (максимум в Северной Осетии — 2,24).

Средняя доля депутатов законодательных собраний от «Единой России» по итогам выборов 2012 г. составила 83 %, 2013-го — 78 %. В пяти вновь избранных региональных парламентах «партия власти» располагала более чем 90 % мандатов. И только в двух у нее было менее чем две трети депутатских мест (Северная Осетия и Иркутская область). Особенно много депутатов от «партии власти» избрано по одномандатным округам.

Диаграмма 7 показывает изменение суммарного числа депутатов от разных партий в 22 региональных парламентах. У «Единой России» депутатов стало больше, у КПРФ и ЛДПР их число почти не изменилось, у «Справедливой России» заметно снизилось. Эсеры впервые

провели своих представителей в законодательные собрания Ростовской и Ярославской областей, но потеряли часть мандатов в других регионах, а в шести вообще утратили представительство (еще в двух регионах у них и прежде не было депутатов). Такой результат вполне закономерен, поскольку ранее значительную часть своих голосов «Справедливая Россия» получала как наименее неприемлемая партия; с появлением новых партий она этого преимущества лишилась. Число депутатов от непарламентских партий выросло с 20 до 41, но при этом сильно уменьшилось количество избранных самовыдвиженцев (с 77 до 29).

Старые непарламентские партии показали разные результаты. «Патриоты России» активно участвовали почти во всех выборах и имели представительство в шести законодательных собраниях, причем в парламенте Северной Осетии фракция этой партии оказалась второй по численности после «Единой России». «Яблоко» выдвинуло списки в 13 регионах (в одном список был отозван), но успеха нигде не добилось. «Правое дело» участвовало в трех выборах 2012 г. и в трех выборах 2013 г., везде с весьма слабым результатом.

Среди восстановленных (или условно восстановленных) партий относительным успехом отличилась Российская партия пенсионеров за справедливость, которая провела по одному депутату в представительные органы Бурятии, Ивановской и Смоленской областей. Более скромные достижения у «Родины», РПР-ПАРНАСа и РЭП «Зеленые».

Из новосозданных партий лидировала «Гражданская платформа», представленная в парламентах четырех регионов, в двух из которых — Законодательном собрании Иркутской области и Народном хурале Калмыкии — она прошла по пропорциональной системе и смогла создать фракции. Появились региональные депутаты и у четырех других партий — «Коммунистов России», Альянса зеленых, Народной партии «За женщин России» и Партии социальной солидарности, что тоже стало проявлением эффекта партийной реформы.

Диаграмма 5.

Эффективное число парламентских партий на региональных выборах 2012 г.

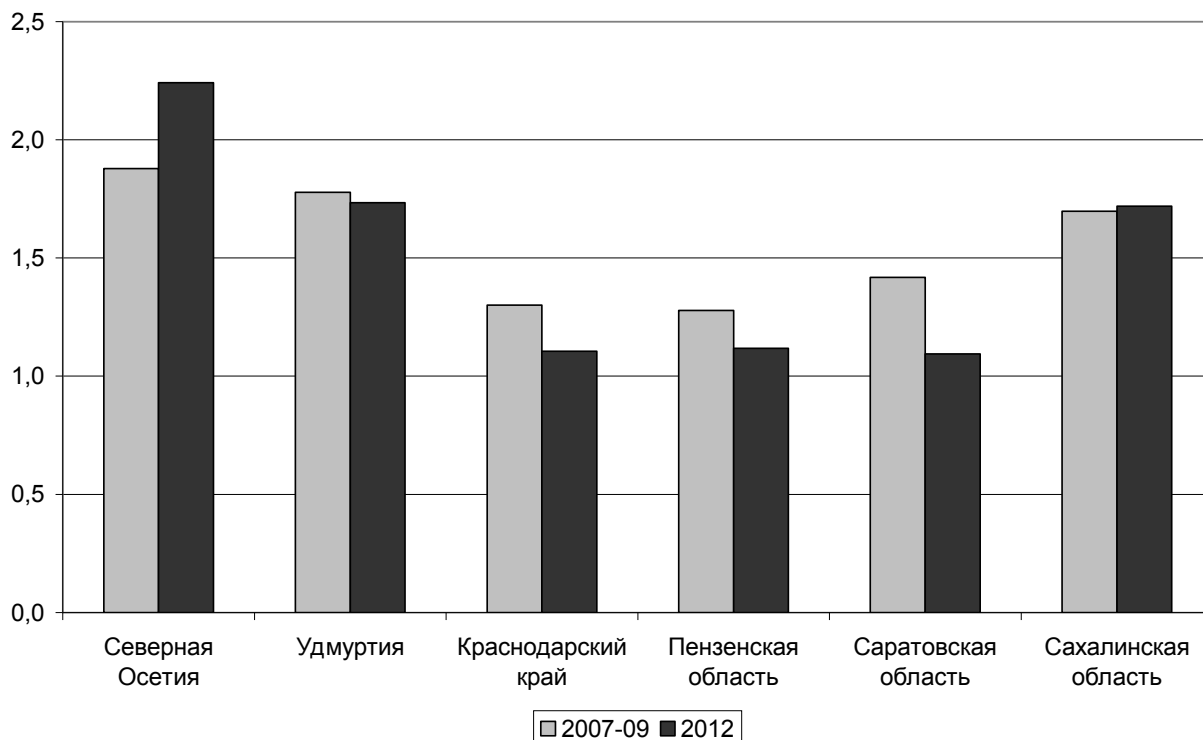

Диаграмма 6.

Эффективное число парламентских партий на региональных выборах 2013 г.

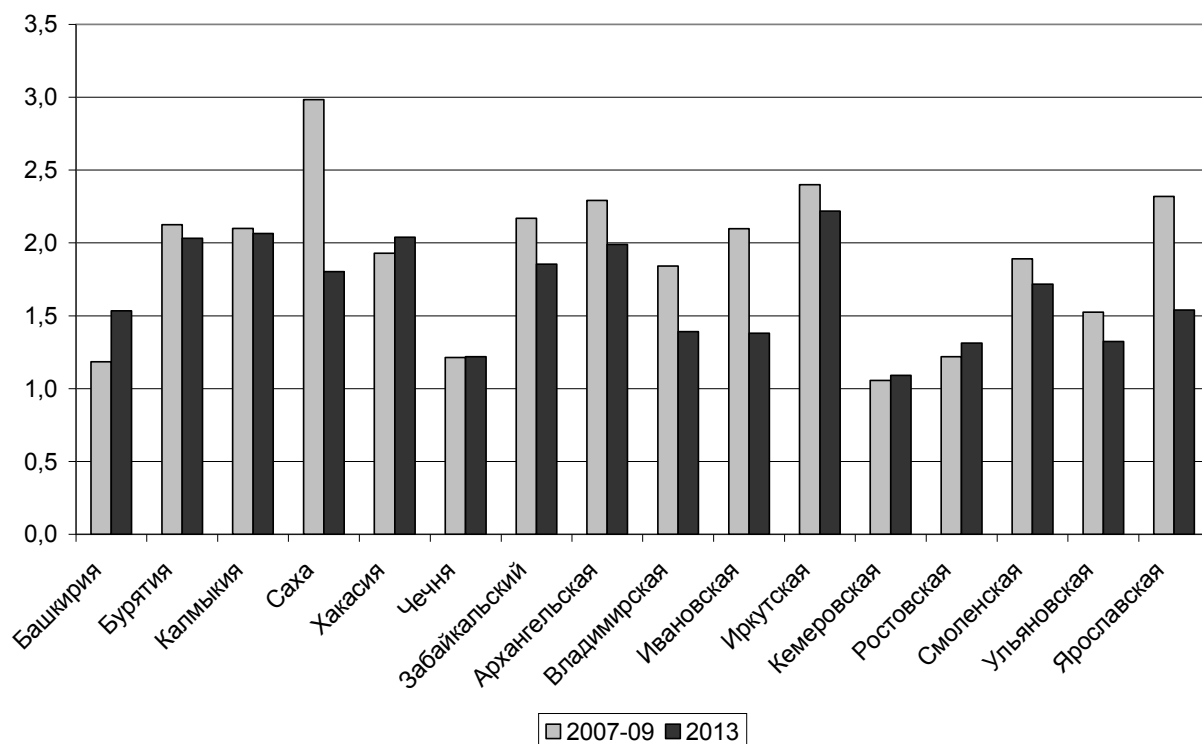
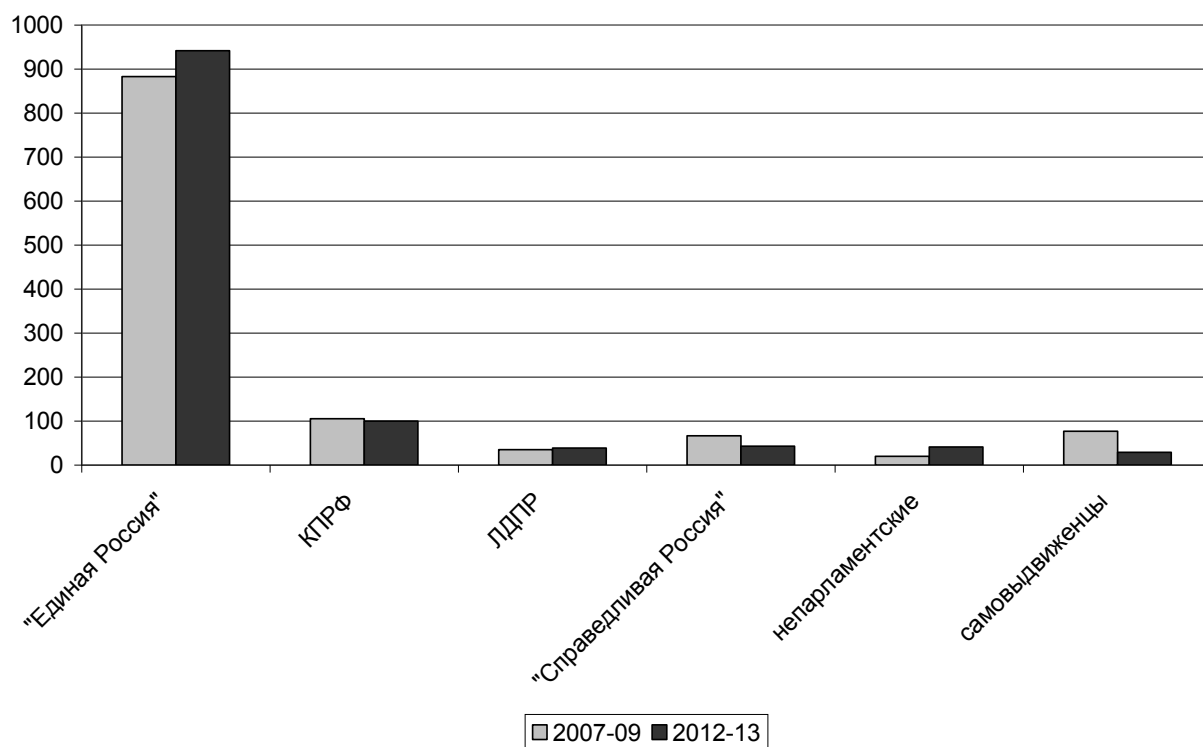

Диаграмма 7.

Число депутатов от различных партий в региональных парламентах, избранных в 2012–13 гг.

Таким образом, партийная реформа несколько увеличила конкурентность выборов и немного разнообразила партийный состав региональных парламентов. С другой стороны, она способствовала укреплению позиций «партии власти» — несмотря на заметное снижение в 2013 г. доли голосов, отданных за «Единую Россию», удельный вес ее депутатского корпуса даже немного вырос. Этот результат был достигнут за счет «бонуса» от «потерянных» голосов, в основном отданных за новых участников выборов, — в наибольшей степени он достается партии-фавориту. Так, в четырех регионах — Калмыкии, Владимирской, Ивановской и Ярославской областях — доля голосов за партии, не преодолевшие заградительный барьер, превысила 20 %. Свою роль сыграло то, что на региональных выборах все чаще используется метод делителей Импералии, дающий партии-лидеру преимущество при распределении мандатов [Любарев 2016].

В одном регионе в 2012 г. и в девяти регионах в 2013 г. «Единая Россия» получила менее 50 % голосов, но при этом везде более половины (а в основном более 70 %) мандатов. Этот эффект «сфабрированного большинства» был достигнут как за счет вышеуказанных факторов, так и благодаря успехам «Единой России» в одномандатных округах [Любарев 2013].

Наблюдалась и постепенная диверсификация региональных партийных систем. Если по итогам выборов 2007–2009 гг. партийный состав законодательных собраний полностью совпадал с федеральным в 7 из 22 рассматриваемых регионов, то в 2012–2013 гг. — только в четырех (Владимирская и Сахалинская области, Забайкальский край, Удмуртия).

Тенденции выборов 2014–2018 гг.

Выборы 14 сентября 2014 г. были первыми, прошедшими после принятия закона, лишившего большинство партий права регистрировать кандидатов без сбора подписей, и после событий в Крыму и на Украине, повысивших авторитет российской власти. Оба этих фактора сказались на составе участников выборов и их результатах. Кроме того, среди 12 старых субъектов Федерации, в которых в 2014 г. состоялись выборы в заксобранья, оказалась треть электорально управляемых регионов (Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Татарстан, Тыва). Плюс в двух новых субъектах Федерации «партия власти» имела особую популярность.

Как видно из таблицы 1, среднее число участвовавших в выборах списков резко снизилось по сравнению с 2013 г. Среднее значение ЭЧП_э оказалось самым низким за период 2012–2018 гг., а среднее число прошедших списков и среднее значение ЭЧП_п превысили лишь соответствующие значения 2012 г.

Таблица 1.

Средние показатели региональных выборов 2012–2018 гг.

Год	Число кампаний	Среднее число участвовавших списков	Среднее число прошедших списков	Среднее ЭЧП _э	Среднее ЭЧП _п
2012	6	13,2	3,2	2,45	1,45
2013	16	17,2	3,7	3,14	1,60
2014	13	9,1	3,4	2,19	1,51
2015	11	7,8	4,0	2,46	1,53
2016	39	6,9	4,1	3,18	1,77
2017	6	7,5	3,7	2,35	1,65
2018	16	6,4	4,5	3,49	2,46

Как показал анализ, большинство партий (кроме парламентских, «Яблока» и «Родины») в 2014 г. снизило активность. В выборах в региональные собрания участвовало от 5 до 14 списков. В целом по стране списки выдвинули 36 партий из 69 имевших право, а с учетом одномандатников — 39. Однако из-за требований к сбору подписей часть партий в процессе регистрации отсеялась, и в региональных выборах приняли участие списки только 27 партий, а с учетом одномандатников — 28 партий.

При этом в 7 из 11 регионов реальная конкуренция, индицируемая ЭЧП_э, снизилась даже по сравнению с выборами 2009–2010 гг., а по сравнению с выборами 2003–2006 гг. — везде, кроме Кабардино-Балкарии, где она и раньше была крайне невысокой [Любарев, Шпагин 2015].

В таблице 2 представлены средние результаты на региональных выборах четырех парламентских партий и средний суммарный результат непарламентских партий. Мы видим, что у «Единой России» в силу перечисленных выше факторов результат оказался наилучшим за весь обсуждаемый период, а у КПРФ и «Справедливой России» — наихудшим. Результат ЛДПР выше лишь по сравнению с 2012 г.

Таблица 2.

Средние результаты политических партий на региональных выборах 2012–2018 гг.

Год	«Единая Россия»	КПРФ	ЛДПР	«Справедливая Россия»	Непарламентские партии
2012	60,9%	12,6%	5,3%	5,2%	13,5%
2013	54,1%	12,6%	7,7%	6,9%	15,6%
2014	66,5%	10,2%	7,1%	4,6%	9,4%
2015	59,1%	12,3%	9,9%	9,8%	5,6%
2016	48,8%	15,3%	17,1%	9,3%	7,0%
2017	62,3%	12,9%	8,4%	6,0%	8,2%
2018	41,5%	23,1%	15,0%	8,7%	8,1%

Везде, кроме Кабардино-Балкарии, результаты «Единой России» улучшились по сравнению с предыдущими выборами, а парламентской оппозиции в целом — ухудшились. Наиболее существенный ущерб потерпела «Справедливая Россия»: ее средний результат снизился на 5,4 %; в Хабаровском крае и Тульской области она потеряла более 10 %. Убытки ЛДПР оказались самыми небольшими: в среднем она потеряла 1,7 %, а в Карачаево-Черкесии, Марий Эл и Тульской области ее результат даже вырос.

Достижения непарламентских партий были заметно меньшими, чем в 2013 г. Более чем в одном регионе заградительный барьер преодолели только «Патриоты России», три другие партии («Родина», РЭП «Зеленые» и «Гражданская сила») — только в одном; при этом «Родина» провела по одному одномандатнику еще в трех регионах. Представительства в легислатурах региональных центров помимо «Патриотов России» и «Родины» получили также «Гражданская платформа», «Коммунисты России», Российская партия пенсионеров за справедливость и Партия пенсионеров России. В других муниципальных образованиях определенный успех имели также «Яблоко», Народная партия «За женщин России», «Города России», Партия дела, «Рожденные в СССР», Российская партия народного управления и Партия ветеранов России [Кынев, Любарев, Максимов 2015а].

«Традиционная» конфигурация на этот раз сложилась только в 4 региональных парламентах из 14, а совпадение партийного состава депутатского корпуса с федеральным — только в одном (Волгоградская область, если не считать прохождения кандидата от «Родины» в одномандатном округе). Однако своим обновлением партийный состав обязан не успехам

новых партий, а неудачам «Справедливой России» — в Кабардино-Балкарии ее обошла РЭП «Зеленые», в Марий Эл и Брянской области — «Коммунисты России», в Тульской области — Российская партия пенсионеров за справедливость.

Что касается партийной принадлежности избранных в 2014 г. депутатов, то в этом отношении картина мало отличалась от 2012–2013 гг., разве что в Москве доля депутатов от «Единой России» составила менее двух третей. Впрочем, этот показатель можно считать искусственно заниженным, поскольку здесь часть «единороссов» баллотировалась как самовыдвиженцы. В Тыве и Брянской области «Единая Россия» получила более 90% мандатов.

Только в Москве ЭЧП по сравнению с предыдущими выборами значительно повысилось (в том числе благодаря переквалификации части «единороссов» в самовыдвиженцы). Незначительное повышение имело место также в Кабардино-Балкарии и Татарстане. В остальных девяти регионах зафиксировано снижение, нередко довольно сильное. Ну а в двух новых регионах степень плюрализма оказалась совсем низкой — в обоих заградительный барьер преодолели всего две партии.

Также можно отметить повышение по сравнению с предыдущими выборами суммарного количества депутатов в «старых» регионах у «Единой России» и снижение этого показателя у КПРФ, «Справедливой России» и самовыдвиженцев. ЛДПР увеличила свое представительство на одного человека. Небольшой рост — с 4 до 11 депутатов — наблюдался у непарламентских партий — при том, что их число увеличилось значительно.

Региональные выборы 13 сентября 2015 г. ознаменовались еще большим снижением активности и результативности непарламентских партий. Хотя число партий, имевших право участвовать в выборах, выросло до 74, списки на региональных выборах выдвинули только 33 партии, а до дня голосования дошли только 19. Снизилось и среднее число участвовавших в выборах списков (см. табл. 1). При этом впервые с 2010 г. ни один список непарламентских партий не смог преодолеть заградительный барьер. С другой стороны, в этот раз четыре парламентские партии прошли во все региональные парламенты, то есть во всех 11 регионах партийный состав депутатского корпуса совпал с федеральным (если не считать прохождения одномандатников от «Яблока» в Костромской области и от «Гражданской платформы» в Новосибирской области). «Традиционная» конфигурация итогов голосования получилась почти в половине регионов (5 из 11).

Средний результат «Единой России» немного снизился по сравнению с 2014 г., а результаты трех партий парламентской оппозиции немного выросли, особенно заметно — у активизировавшейся «Справедливой России» (см. табл. 2). В ряде регионов (Костромская, Новосибирская, Челябинская области) результаты оказались достаточно близкими с предыдущими аналогичными выборами (2010 г.).

На муниципальных выборах 2015 г. у непарламентских партий некоторые успехи были. В горсоветы отдельных региональных центров прошли по спискам «Яблоко», «Патриоты России», «Коммунисты России», Российская партия пенсионеров за справедливость, в одномандатном округе — кандидат от «Гражданской платформы». В иных муниципальных образованиях успехи имели также «Правое дело», «Родина», РЭП «Зеленые», Партия возрождения села, Партия дела⁷, плюс в ряде муниципальных образований Дагестана — Партия свободных граждан, Объединенная аграрно-промышленная партия, Союз труда, Трудовая партия России и «РОТ-Фронт» [Кынев, Любарев, Максимов 2015б].

Главной особенностью региональных выборов 18 сентября 2016 г. было их совмещение с выборами в Государственную Думу. Кроме того, в этот раз число одновременно проходив-

⁷ Партия дела прошла в Думу Спасского района Приморского края, но затем результаты этих выборов были признаны недействительными.

ших выборов региональных парламентов (39) оказалось рекордным, и результаты региональных выборов можно считать наиболее репрезентативными.

Благодаря совмещению с выборами в Государственную Думу активность избирателей получилась выше, чем в другие годы. Это способствовало дальнейшему снижению среднего результата «Единой России» и повышению результатов КПРФ и ЛДПР. Но средний результат «Справедливой России» оказался ниже, чем в 2015 г. (см. таблицу 2).

Активность непарламентских партий из-за совмещения с федеральными выборами и большого числа региональных выборов немного выросла. Всего списки на региональных выборах выдвинули 37 партий, а до дня голосования дошли 29. В общей сложности по разным основаниям до выборов не дошёл 101 список, выдвинутый 24 партиями. Особенно не повезло «Коммунистам России», чьи списки не были зарегистрированы в 15 регионах, а затем были сняты еще в двух, и партии «Родина» (соответственно 14+1). Из-за большого отсева среднее число участвовавших в выборах списков продолжило снижаться (см. табл. 1).

Тем не менее, пять непарламентских партий сумели пройти в законодательные собрания. «Яблоко» повторило успех 2011 г., проведя свои списки в Карелии, Псковской области и Санкт-Петербурге; «Патриоты России» добились успеха в Красноярском крае и повторно — в Калининградской области; Партия Роста, преобразованная из «Правого дела», прошла в Санкт-Петербурге. Из новых партий успех имели только «Родина» в Тамбовской области и Российская партия пенсионеров за справедливость, которая провела одного депутата по списку в Приморском крае и одномандатника в Свердловской области.

Среднее число прошедших списков, а также значения ЭЧП_э и ЭЧП_п оказались выше, чем в предыдущие четыре года (см. табл. 1). Только в трех республиках прошли по три партии, в шести регионах — по пять, а в Санкт-Петербурге — шесть. В остальных 29 регионах партийный состав оказался таким же, как в Государственной Думе (если не считать одномандатников). «Традиционная» конфигурация итогов голосования получилась в 13 регионах.

На муниципальных выборах 2016 г. успех имели в отдельных региональных центрах «Патриоты России», «Яблоко» и РЭП «Зеленые», в других муниципальных образованиях также Партия Роста, «Родина», Российская партия пенсионеров за справедливость, «Коммунисты России», Партия Дела, «Российский общенародный союз», «Альянс Зеленых» и «Достоинство» [Кынев, Любарев, Максимов 2017].

Региональные выборы 10 сентября 2017 г., как и в 2012 г., проходили только в шести регионах (из которых три считаются электорально управляемыми), так что они мало показательны. Средний результат «Единой России» оказался довольно высоким, а средние результаты партий парламентской оппозиции — низкими. Впрочем, по сравнению с 2012 г. у все четырех парламентских партий электоральные результаты немного выше (см. табл. 2), поскольку участие непарламентских партий продолжало снижаться. ЛДПР вновь не преодолела заградительный барьер в Северной Осетии, а «Справедливая Россия» — в Краснодарском крае (но сумела там провести в заксобрание одномандатника). Однако, в отличие от 2012 г., ЛДПР прошла в Краснодарском крае, Пензенской и Саратовской областях, а «Справедливая Россия» получила представительство в Пензенской области, но утратила его в Сахалинской.

В этот раз списки на региональных выборах выдвинули только 24 партии, а до дня голосования дошли лишь 16. Из непарламентских партий успех, хоть и более скромный, чем в 2012 г., имели только «Патриоты России» в Северной Осетии, да Партия Роста провела депутата по одномандатному округу в Краснодарском крае [Шпагин 2017]. В трех региональных парламентах партийный состав оказался таким же, как в Государственной Думе (если не считать одномандатников). «Традиционная» конфигурация итогов голосования получилась в четырех регионах.

На муниципальных выборах 2017 г. успех имели в отдельных региональных центрах «Яблоко», «Родина», «Коммунисты России», «Гражданская платформа», Российская партия пенсионеров за социальную справедливость, в других муниципальных образованиях также «Патриоты России», Партия Роста, РЭП «Зеленые», КПСС, Партия пенсионеров России, Аграрная партия России [Кынев, Любарев, Максимов 2018].

Региональные выборы 9 сентября 2018 г. продолжили тенденцию по снижению партийной активности. Списки выдвинули 28 партий, но до дня голосования дошли только 14. Среднее число участвовавших списков оказалось самым низким со времени после партийной реформы (см. табл. 1).

Однако в ходе кампании проявились новые тенденции. Если на президентских выборах весной доминировало стратегическое голосование, то осенью у избирателей появилась возможность экспрессивным голосованием на региональных и местных выборах выразить свое отношение к политической системе. Объявленная уже после начала кампании пенсионная реформа стала триггером, переключившим накапливавшееся в течение длительного времени раздражение действиями власти в русло протестной активности. В результате снизилась популярность всех носителей власти — от президента и «Единой России» до местных начальников.

Впервые после 2007 г. «Единая Россия» уступила лидерство на выборах региональных парламентов, причем сразу в трех регионах (Хакасия, Иркутская и Ульяновская области, везде лидером стала КПРФ). Также впервые за последние 11 лет ее результат в ряде регионов опустился ниже 30%. Средний результат «Единой России» оказался практически таким же, как в 2006 г., и ниже, чем за любой год периода 2007–2017 гг. Одновременно усилились позиции большей части оппозиционных партий.

Усиление актуальности проблематики социальной несправедливости особенно сказалось на электоральной привлекательности коммунистов и других левых партий. На результатах «Справедливой России» это почти не отразилось: в ней все меньше видят выразительницу интересов социально незащищенных слоев и все больше — «партию левой руки» власти. Зато средний уровень голосования за КПРФ (23,1 %) оказался наивысшим не только за период 2012–2018 гг. (см. табл. 2), но за весь период регулярных выборов по пропорциональной и смешанной системе (2003–2018 гг.), а результат КПРФ в Ульяновской области (36,2 %) уступил только ее рекорду в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе в 1996 г. (39,8 %). В заксобраныя пяти регионов из 16 прошли «Коммунисты России», причем в Ульяновской области они вытеснили «Справедливую Россию». В этой же связи находятся и успешные выступления Российской партии пенсионеров за социальную справедливость в Смоленской области (ее результат по сравнению с 2013 г. вырос с 6,1 до 9,3 %), а также впервые — КПСС (во Владимирской области) и Партии пенсионеров России (в Забайкалье). ЛДПР тоже извлекла пользу из роста протестных настроений благодаря умелому улавливанию политической конъюнктуры.

Из других непарламентских партий по одной успешной региональной кампании в активе у «Патриотов России» и «Родины». В одномандатных округах прошли также кандидаты Партии Роста, «Гражданской платформы», РЭП «Зеленые» и Партии дела.

Только в Калмыкии прошли три списка, в семи регионах — четыре списка, еще в семи — пять, и в Ненецком автономном округе — шесть. В результате среднее число прошедших списков оказалось самым большим с 2012 г. Также самые большие значения получились у ЭЧП_э и ЭЧП_п (см. табл. 1). В шести региональных парламентах партийный состав оказался таким же, как в Государственной Думе (если не считать одномандатников). «Традиционная» конфигурация итогов голосования получилась в восьми регионах.

На муниципальных выборах 2018 г. успех имели в отдельных региональных центрах «Яблоко», «Коммунисты России», Российская партия пенсионеров за социальную справедливость, «Гражданская платформа» и РЭП «Зеленые», в других муниципальных образованиях также «Патриоты России», Партия Роста, «Родина», Партия пенсионеров России, Аграрная партия России, Народная партия «За женщин России», «Альянс Зеленых», Трудовая партия России и «Партия За Справедливость!».

Таким образом, контрреформа 2014 г. первоначально существенно снизила положительный эффект реформы 2012 г. (повышение уровня конкурентности выборов) и закрепила отрицательный (усиление доминирования «Единой России»). Но в настоящий момент ситуация меняется вследствие изменения политической обстановки в стране.

Новая стратификация российской партийной системы

После выборов 2013 г. сложилась новая стратификация российской партийной системы, которая с небольшими изменениями сохранилась до настоящего времени.

Ее высшую ступень занимает «Единая Россия», доминирующая в федеральном и почти во всех региональных законодательных органах (см. табл. 3). Однако её доля в составе депутатского корпуса, достигнув максимума в 2014 г., в дальнейшем стала снижаться. Это становится особенно заметно после выборов 2016 г., а в 2018 г. депутаты «партии власти» составили менее 60% от общей численности избранных. Причем если поражение списков «единороссов» в Хакасии и Ульяновской области удалось восполнить одномандатниками, то в Законодательном собрании Иркутской области «Единая Россия» впервые за долгие годы уступила первенство КПРФ. Отдельные избирательные кампании бывали для неё относительно неудачными и ранее: достаточно вспомнить результаты в Карелии в 2011 г. и 2016 г., Северной Осетии в 2012 г., Новосибирской области в 2015 г. и т. д. Но еще никогда с 2012 г. доля депутатов «партии власти» не опускалась ниже 50 %. В 2018 г. этот порог не был достигнут в четырех регионах, причем в Забайкалье фракция «Единой России» составляет всего 42 %, в Иркутской области — 37,8 %, в Верховном Совете Хакасии — лишь 34 %, в Законодательном собрании Ульяновской области — 47,2 %.

Таблица 3.

*Средние показатели представительства партий
в региональных органах законодательной власти, избранных 2012–2018 гг., %*

Год выборов	«Единая Россия»	КПРФ	ЛДПР	«Справедливая Россия»	Непарламентские партии
2012	81,69	7,61	1,97	2,25	4,23
2013	77,21	8,85	3,88	4,36	3,64
2014	81,94	6,42	3,73	2,39	1,64
2015	80,48	8,46	4,34	5,21	0,43
2016	74,64	8,96	8,68	5,62	0,85
2017	77,45	7,84	3,27	3,92	4,24
2018	59,84	20,33	9,21	6,39	2,94

Второй уровень образуют три партии парламентской оппозиции, представленные в Госдуме и большинстве региональных законодательных собраний. По действующему законодательству парламентские партии и их кандидаты освобождены от сбора подписей избирателей на всех выборах (но не освобождены от сбора подписей депутатов на губернаторских выборах). Однако их политический вес не одинаков. Позиции КПРФ, как правило, сильнее

остальных. В электорально-управляемых регионах вроде Кемеровской области, Мордовии или Чечни коммунисты набирали существенно меньше мест (или не набирали вовсе), но в регионах бывшего «красного пояса», а также ряде отдаленных субъектов Федерации их позиции заметно прочнее. Лишь в последние годы наметилась тенденция смещения КПРФ с позиции второй по величине фракции в региональных парламентах: партия не смогла провести своих депутатов в Тыве, Крыму и Севастополе. В 2016 г. она по количеству депутатов в 11 регионах уступила ЛДПР, а в Дагестане и Астраханской области — «Справедливой России». В 2017 г. в Северной Осетии коммунистов обошли не только «Патриоты России», но и «Справедливая Россия». Наконец, в 2018 г. в Архангельской области впереди КПРФ по количеству мест оказалась ЛДПР. Зато именно КПРФ получила наибольшую выгоду от неудачи «Единой России» в 2018 г.: в семи заксобраниях их доля депутатов превысила 20 %, в том числе, в Хакасии и Ульяновской области — более 30 %, а в Иркутской области достигла 40 %.

На третьем уровне находятся партии, которые сумели провести кандидатов по партийным спискам хотя бы в один региональный парламент. После выборов 2013 г. таковых стало восемь: «Патриоты России», «Яблоко», «Правое дело» (впоследствии Партия Роста), ПАРНАС, «Гражданская платформа», Российская партия пенсионеров за справедливость, «Родина» и «Коммунисты России». После выборов 2014 г. к ним добавились РЭП «Зеленые», и «Гражданская сила». Эти партии по действующему закону имели право не собирать подписи избирателей на выборах в Государственную Думу, а также на региональных и муниципальных выборах в тех субъектах Федерации, где они прошли в региональные парламенты. И в выборах в Государственную Думу 2016 г. смогли принять участие только 14 партий, относящихся к трем первым уровням.

После выборов 2018 г. состав партий третьего уровня несколько обновился. Его покинули ПАРНАС, «Гражданская платформа» и «Гражданская сила», но в него вошли Партия пенсионеров России и КПСС. Таким образом, сейчас здесь девять партий.

Четвертый уровень складывается из партий, которые смогли провести депутатов в региональные legislatures только по мажоритарным округам и/или в муниципальные собрания. Таких партий сейчас 15: «Гражданская платформа», Народная партия «За женщин России», «Альянс зеленых», «Партия За Справедливость!», Партия дела, Аграрная партия России, «Города России», Партия ветеранов России, Российская партия народного управления, Союз труда, Партия возрождения села, Партия свободных граждан, Трудовая партия России, «Российский общенародный союз» и «РОТ-Фронт».

На пятом, «нулевом», уровне — все остальные партии.

При этом количество партий начало сокращаться. С 2015 г. прекратили существование 15 партий, из них пять самоликвидировались, а 10 были ликвидированы решениями Верховного Суда РФ. В 2019–2020 гг. истекает семилетний период с момента создания большинства партий, но не все из них за прошедшие семь лет сумели набрать требуемый законом уровень участия в выборах (участие в выборах в Государственную Думу или президента России, или участие в выборах глав не менее чем 9 регионов, или участие в выборах заксобраний не менее чем 17 регионов, или участие в муниципальных выборах не менее чем в 43 регионах). В связи с этим, по-видимому, в 2019–2020 гг. число партий заметно сократится.

Таким образом, партийная реформа 2012 г. позволила создать несколько партий, которые смогли конкурировать со старыми непарламентскими партиями за голоса небольших групп избирателей, но не сумели составить серьезную конкуренцию парламентским партиям. В электоральной плоскости это привело к некоторому росту конкуренции, который после контрреформы 2014 г. стал затухать. На составах региональных парламентов реформа отразилась довольно слабо.

Васильева С.В. 2012. Политическая конкуренция в теории и действии: к вопросу о сложности ее правовых оценок. — *Сравнительное конституционное обозрение*. — № 1. — С. 16–24.

Вишневский Б.Л. 2007. Политическая конкуренция в России: хроника снижения. — *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. — № 2. — С. 287–295.

Голосов Г.В. 2007. Сводная российская электоральная статистика, декабрь 2003 — апрель 2007 г. — *Российское электоральное обозрение*. — № 1. — С. 66–133.

Голосов Г.В. 2008. Сводная российская электоральная статистика, декабрь 2007 – март 2008 г. — *Российское электоральное обозрение*. — № 1. — С. 68–75.

Голосов Г.В. 2009. Сводная российская электоральная статистика, 12 октября 2008 г. — *Российское электоральное обозрение*. — № 1. — С. 70–71.

Голосов Г.В. 2010. Сводная российская электоральная статистика, 2009 г. — *Российское электоральное обозрение*. — № 1. — С. 94–96.

Гончаров Л.А. 2008. *Современная межпартийная конкуренция в политической практике России и Германии*. — Воронеж: Изд-во им. Е. А. Болховитинова. — 137 с.

Жедь Б.А. 2013. Особенности политической конкуренции в условиях либерализации многопартийности в современной России. — *Известия Саратовского ун-та. Нов. серия. Сер. Социология. Политология*. — Т. 13. — Вып. 3. — С. 94–99.

Кынев А. 2009. *Выборы парламентов российских регионов 2003–2009: первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы*. — М.: Центр «Панорама». — 516 с.

Кынев А. 2014. *Выборы региональных парламентов в России 2009–2013: от партизации к персонализации*. — М.: Центр «Панорама». — 728 с.

Кынев А., Любарев А., Максимов А. 2014. *Региональные и местные выборы 8 сентября 2013 года: тенденции, проблемы и технологии*. — М.: Фонд «Либеральная миссия». — 312 с.

Кынев А., Любарев А., Максимов А. 2015а. *Региональные и местные выборы 2014 года в России в условиях новых ограничений конкуренции*. — М.: Фонд «Либеральная миссия». — 372 с.

Кынев А., Любарев А., Максимов А. 2015б. *На подступах к федеральным выборам — 2016: Региональные и местные выборы 13 сентября 2015 года*. — М.: Фонд «Либеральная миссия». — 565 с.

Кынев А., Любарев А., Максимов А. 2017. *Как выбирала Россия — 2016. Результаты мониторинга избирательного процесса*. — М.: Фонд «Либеральная миссия». — 1142 с.

Кынев А., Любарев А., Максимов А. 2018. *Российские выборы–2017: преемственность и изменение практик между двумя федеральными кампаниями*. — М.: Фонд «Либеральная миссия». — 514 с.

Любарев А.Е. 2013. Пропорциональная и смешанная избирательные системы на региональных и муниципальных выборах в Российской Федерации: проблемы «сфабрированного большинства». — *Юридические исследования*. — № 8. — С. 65–118.

Любарев А.Е. 2016. *Избирательные системы: российский и мировой опыт*. — М.: РОО «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение. — С. 276–312.

Любарев А.Е. 2018. Партийное строительство в 2012–2018 гг. — *Политическая концептология*. — № 3. — С. 226–233.

Любарев А.Е., Шпагин С.А. 2015. Партийная реформа и динамика межпартийной конкуренции на региональных выборах 2012–2014 гг. — *Партийная реформа и контрреформа*

2012–2014 годов: предпосылки, предварительные итоги, тенденции / Под ред. Н.А. Борисова, Ю.Г. Коргунюка, А.Е. Любарева, Г.М. Михалевой. — М.: КМК. — С. 90–106.

Шагин С.А. 2017. Выборы в законодательные собрания 2017 г. и динамика партийных систем в российских регионах. — *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. — № 4. — С. 77–87.

Laakso M., Taagepera R. 1979. The “Effective” Number of Parties: A Measure with Application to West Europe. — *Comparative Political Studies*. — V. 12. — P. 3–27.